

Игорь Троицкий

РУССКИЙ- СРЕДИ ЕВРЕЕВ, ЕВРЕЙ-СРЕДИ РУССКИХ

Игорь Троицкий

**Русский – среди евреев,
еврей – среди русских**

«Accent Graphics communications»

2019

Троицкий И.

Русский – среди евреев, еврей – среди русских / И. Троицкий —
«Accent Graphics communications», 2019

Если у твоих родителей одинаковая национальность, тогда ни у кого не возникает вопроса: кто ты? А вот, если один – русский, а другой – еврей, тогда не исключено, что у тебя самого или у твоих друзей (а не исключено, что и у недругов), может ни с того, ни с сего (а иногда – и «с того, и с сего») возникнуть вопрос: а кто ты? Вот вокруг этого не простого вопроса я и решил повспоминать разные истории из давно и не давно минувших дней, а при случае и порассуждать на эту тему.

© Троицкий И., 2019

© Accent Graphics
communications, 2019

Содержание

От автора	5
А почему ты не красишь яйца?	6
Подальше от еврейских слов	8
I	8
II	9
В жизни всегда за всё кем-то уплачено!	12
I	12
II	13
III	14
Русский мальчик в еврейской семье	15
Церковь или синагга	17
I	17
II	19
III	21
IV	23
Неужели и Тартаковский тоже...?	24
I	24
II	25
III	26
IV	27
V	28
VI	29
VII	30
Есенин-Вольпин	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Игорь Троицкий

Русский – среди евреев, еврей – среди русских

От автора

Если у твоих родителей одинаковая национальность, тогда ни у кого не возникает вопроса: кто ты? А вот, если один – русский, а другой – еврей, тогда не исключено, что у тебя самого или у твоих друзей (а не исключено, что и у недругов), может ни с того, ни с сего (а иногда – и «с того, и с сего») возникнуть вопрос: а кто ты? Вот вокруг этого не простого вопроса я и решил повспоминать разные истории из давно и не давно минувших дней, а при случае и порассуждать на эту тему.

А почему ты не красишь яйца?

Подмосковный дачный посёлок Салтыковка. Воскресный, солнечный весенний день. Я, шестилетний мальчик, сижу на камне у края канавы и пытаюсь понять, куда могли подеваться мои приятели. Гости, приехавшие с раннего утра к нашей соседке и поздравлявшие её с каким-то «воскрешением», наводят меня на мысль, что, наверное, из-за этого «воскрешения» и не видно моих друзей. Я пытаюсь сообразить, что же это такое за «воскрешение», и тут показываются Валерка и Сашка, а за ними и Вовка с парой крашенных яиц. Одно – золотистое с переливами, а другое – разрисованное затейливыми цветными узорами на фиолетовом фоне.

Как только Сашка и Валерка увидели яйца, они сразу же бросились обратно к своим калиткам. Первым возвратился Сашка. В руке у него бордовое с яркими разводами небольшое яйцо. За ним почти сразу же появился хмурый Валерка, который выглядел очень огорчённым, и со словами: «мать не дала» – плюхнулся на булыжник. Вовка с Сашкой начали проверять, чьи яйца крепче. Победил Сашка.

Произошедшее настолько впечатлило меня, что когда по какой-то несущественной надобности я забежал домой, то сразу же обо всём рассказал бабушке.

– Ничего не обычного в том, что ты увидел, нет, – стала объяснять мне бабок (так я ласково называл свою бабушку), – сегодня началась русская пасха, и красить на пасху яйца это – народная традиция. А выяснять, у кого яйца крепче – это просто игра.

– А почему ты не красишь яйца? – поинтересовался я.

– Потому что я – еврейка, а у евреев пасха уже прошла, да и празднуется она совсем иначе, – пояснила бабушка.

То, как бабушка отмечала пасху, я хорошо знал: появлялась маца, часть мацы прокручивалась через мясорубку, а из получившейся муки готовились разные вкусности. Новым для меня был факт: мои приятели праздновали не то и не так, как мы. Когда же в середине дня я прибежал обедать, то на столе увидел тарелку с несколькими крашеными яйцами. Со словами: «Это тебе» – бабок пододвинула мне тарелку.

– Почему мне? – удивился я.

– Потому что твой отец русский, а значит русская пасха – это и твоя пасха, – объяснила бабушка.

Последнее утверждение совсем сбilo меня с толку. С одной стороны, это здорово праздновать то же, что и все мои приятели, а с другой, получается, что я не такой, как мои любимые мама и бабушка, а какой-то другой – такой, как отец, о котором я знаю лишь, что от него приходят алименты.

И тут я вспомнил о другой странности, с которой никак не мог разобраться: почему Робик дразнит меня «жидом». Долгое время я думал, что «жид» – это просто – жадный. Но когда я в ответ кричал: «Ты сам жид!» – на Робика эта «возвращалка» никак не действовала, а иногда он просто смеялся.

Теперь, узнав, что мама и бабушка евреи, мне пришла в голову неожиданная мысль: может быть, еврей и жид – это одно и то же, а Робик просто не знает слова «еврей». Я набрался смелости и спросил бабушку:

– Бабок, а евреи и жидаы – это одно и то же?

– Да, с той лишь разницей, что когда еврея называют евреем – он не обижается, а когда жидом – то обижается. Почему – точно объяснить не могу. Но если мне говорят «жидовка», я тоже обижаюсь. А в общем, ерунда всё это, не бери в голову! Какой ты у нас жид, ты – маленький недожидок! – закончила бабок свои объяснения и засмеялась.

Дальнейшая логическая связь привела меня к важному умозаключению: когда тебя обзывают «жидом», глупо отвечать: «ты сам жид!» Вообще-то кроме Робика, о котором Вовка гово-

рил, что он – эстонец, меня никто «жидом» не дразнил. На следующий день после истории с пасхальными яйцами, повлекшей за собой выяснение столь важных для меня понятий, Робик, как обычно, вышел на крыльцо и, завидев меня, заорал во всю мощь своего маленького, но очень звонкого горлышка:

– Игорь – жид, Игорь – жид по верёвочке бежит, верёвочка лопнула и жида прихлопнула!

Я не стал делать вид, что не слышу, а в ответ также на всю улицу закричал:

– Эстонская рожа на говно похожа!

Тут на крыльце появилась тётя Эльза, мама Робика, дала ему подзатыльник и втолкнула обратно в дом. Больше Робик никогда не дразнился.

После того, как бабушка открыла тайну моей неопределённой национальности, я несколько дней прикидывал, хорошо ли быть недождком или нет. Чтобы как-то прояснить ситуацию, я вновь набрался смелости и спросил:

– Бабок, а кто ещё является недождком?

– Ну, например, Герман, вот он такой же недождок, как и ты, – ответила она.

Совсем недавно Герман с родителями, друзьями моей мамы, приезжал к нам в гости. Герман был старше меня на четыре года и выше на голову. Вместе с мальчишками мы играли в казаки – разбойники. Очень скоро гость оказался атаманом, и все казаки беспрекословно слушались его. Вспомнив атаманство Германа и покорность казаков, я тогда решил, что быть недождком – это вовсе не плохо.

Подальше от еврейских слов

I

На краю той же канавы, но уже летом я сижу в ожидании бабушки, которая должна появиться, чтобы совершить свой вечерний променад вокруг Золотого пруда. Пол часа, как я болтался по улице, но не найдя никого из своих сверстников, решил присоединиться к бабушке, а в том, что она вскоре должна была появиться, у меня не было никаких сомнений. Ещё пробегая по коридору, я слышал, как один из гостей нашей соседки спотыкающимся, пьяным голосом запел: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...» Затем другой голос продекламировал: «Умом Россию не понять...» Всё это означало, что скоро за стенкой доберутся до «Шумел камыш, деревья гнулись» – той песни, которая, как некая таинственная сила, выталкивала мою бабушку на улицу, подальше от пьяных голосов, гремевших на весь дом.

Ждал я не долго. Калитка приоткрылась, и появилась бабок, аккуратно причесанная, в сером полотняном платье. Увидев меня, одиноко сидевшего и явно готового составить ей компанию, она заулыбалась и приветливо помахала рукой.

Между бабушкой и мной с некоторых пор установились особые отношения: во время совместных прогулок она часто обсуждала со мной различные «взрослые» проблемы, возникшие в семьях наших многочисленных родственников. Прежде она негромко, почти шёпотом рассуждала сама с собой. Было ли это результатом одинокой женской доли или желанием, облекая свои мысли в слова, превратить воображаемое в некое подобие реальности – кто знает? Но постепенно она стала замечать, что я прислушиваюсь и вроде бы даже с интересом. Тогда бабок прекратила свои шептания и стала просто разговаривать со мной почти как со взрослым. Очень скоро она убедилась (и это было для неё особенно важно), что всё, обсуждаемое, оставалось только между нами и не пересказывалось её дочери.

Вскоре я начал не только слушать, но и откликаться на поступающую информацию, высказывая свои соображения. Естественно, что они хорошо коррелировали с мыслями самой бабушки. Подобное совпадение приятно ласкало слух, и я чувствовал, что мои детские суждения оценивались ею очень высоко.

Сейчас бабок шла молча, а потом, что немного меня удивило, я услышал прежний, уже забытый шёпот, из которого сумел уловить лишь отдельные фразы: «Почему Россию нельзя понять умом?», «Что это за такая особая статья?»

Мне показалось что бабушку смущал стишок, который после нескольких рюмок водки обычно читал один из гостей. Я неоднократно слышал его из-за стенки и привык к какой-то «особой стати» и запомнил, что просто так её понять невозможно.

Честно говоря, мне нравилась атмосфера праздника на соседской террасе. Гости и хозяйка вкладывали в исполнение своих песен столько чувства, что даже сопровождавший их сильный винный перегар не помешал мне полюбить эти песни на всю жизнь. Под приветливые взгляды взрослых я без труда проскакивал через запахнутые двери, а спускаясь уже по лестнице, часто слышал, как кто-нибудь из сидевших за столом восклицал: «Какой молодец, как быстро растёт!»

II

На углу улицы, где мы должны были завернуть, на узкой деревянной скамейке, кое-как прибитой к забору, сидела Софья Борисовна, старая приятельница бабушки.

– Ну, что бежим от Троицы к пруду? Если не возражаете, я пробежусь с вами? – спросила Софья Борисовна и, протянув мне шоколадку, со словами: «это из Америки», не дожидаясь ответа, присоединилась к нам. Теперь образовавшаяся еврейская троица двигалась в таком порядке: впереди обе приятельницы, а за ними я – последний угол неправильного треугольника.

– Разве сегодня Троица? – спросила бабушка.

– А как будто вы не знаете? – ответила вопросом на вопрос Софья Борисовна и продолжала, – Не поверю, чтобы Александра Константиновна, ваша любимая соседка, не отмечала этот святой праздник.

– Почему же, у Александры Константиновны, действительно, сегодня гости, но приехали ли они отмечать Троицу или просто навестить свою родственницу – об этом они мне не докладывали.

– Ладно, ладно, – поспешила согласиться Софья Борисовна. Я просто хотела посочувствовать. Согласитесь, не очень ведь приятно присутствовать, даже будучи за стенкой, на празднике Святой Троицы.

– Поверьте, дорогая Софья Борисовна, меня не раздражают никакие христианские праздники, – парировала бабушка и после небольшой паузы продолжала, – правда, я не хотела бы быть похоронена на кладбище среди крестов. Я не брезгую, просто мне неприятны кресты, а иногда даже кажется, что я боюсь их. Бояться чего-то после смерти – просто абсурдно. Скорее, во мне живёт память наших предков, и мне непонятно, как это евангелисты, будучи евреями, из креста, на котором римляне распинали евреев, вдруг сотворить символ воскрешения новой жизни. Впрочем, это очень по-еврейски: из минуса сделать плюс или наоборот, так что и не поймёшь – всё началось с плюса или с минуса.

Софью Борисовну несколько не интересовали рассуждения моего бабочка о евреях и крестах, а тем более о плюсах и минусах. Ей не терпелось рассказать о письме, найденном в посылке, которую она получила от сестры из Америки. Чтобы скрыть от меня содержание письма, она перешла на идиш с небольшим вкраплением русских слов.

Сама бабушкина приятельница была мне абсолютно безразлична, но шоколадка и упомянутое письмо явно заслуживали внимания. Я стал прислушиваться. Кое-что о далёком прошлом Софьи Борисовны я уже знал из прежних рассказов бабушки. Поэтому проскакивавшие русские слова плюс знание немногих еврейских слов оказалось вполне достаточным, чтобы я смог уловить суть.

Софья Борисовна, как и её сестра, в девичестве оказались вовлеченными в революционную деятельность местечковой еврейской организации. При её содействии сестры вышли замуж за богатых молодых еврейских парней, которые, будучи двоюродными братьями, являлись единственными владельцами весьма успешного мануфактурного бизнеса. Организация надеялась тем или иным способом с помощью сестёр воспользоваться этим богатством.

Но сестры то ли полюбили своих мужей, то ли замужняя жизнь им понравилась больше, чем революционная деятельность, но факт был на лицо – оказавшись замужем, их бурная активность исчезла. Тем временем братья после очередного еврейского погрома перевели все свои финансовые активы в Соединенные Штаты, где и открыли новое мануфактурное производство. Оставались кое-какие формальности, уладив которые, они планировали, забрав своих жен, эмигрировать в Америку. Но что – то пошло не так.

Муж Софьи Борисовны исчез и, подозревая неладное, её сестра с мужем сразу же отбыли в Голландию. Из Голландии они сообщили Софье Борисовне, что, как выяснил их агент, её муж убит, и ей следует незамедлительно прибыть в Амстердам. Но Софья Борисовна была на сносях и побоялась пуститься в столь длительное путешествие. Так, одна сестра осталась в России, а другая – оказалась в Америке.

В письме, которое получила Софья Борисовна, сестра сообщала о смерти своего мужа и о том, что теперь они (т. е. обе сестры) являются равноправными владелицами весьма доходного бизнеса. Сестра звала Софью Борисовну приехать, в противном случае обещала ежегодно присылать ей часть прибыли. Нечего и говорить, как Софья Борисовна была взволнована этими новостями, и цель её прогулки к пруду состояла как раз в том, чтобы посоветоваться со своей приятельницей.

Бабок глубоко прониклась русской ментальностью и усвоила простое правило: от добра – добра не ищут. Доводы в пользу этого тезиса она озвучила примерно следующим образом:

– Милая Софья Борисовна, вы имеете половину дома и симпатичный участок, вы не работаете, но такое впечатление, что ни в чем не нуждаетесь. Дочь и зять служат в московском проектом институте. Вы знаете, что они там проектируют? – Нет? – Так они, наверное, и сами не знают. Ничего, где надо им объяснят, что их работа очень и очень секретная, и их никогда не выпустят в вашу Америку, а жизнь постараются испортить. В лучшем случае вы уедете одна без дочки и внучки. В худшем случае вы уедете вместе, но в противоположном от вашей Америки направлении. Так вам это надо?

– Да, я и сама всего боюсь. Но что же делать? – прошептала насмерть напуганная Софья Борисовна.

– Что делать? Да, ничего, – посоветовала бабок и после небольшой паузы продолжала. – Впрочем, надо ответить сестре, что вы прекрасно живете в Советской стране, у вас есть абсолютно всё, и вы ни в чём не нуждаетесь. Посмейтесь и спросите: может быть, ей что-нибудь нужно, и пообещайте прислать всё, что она захочет. А главное, если вас будут уговаривать брать вашу долю прибыли, то вы должны патриотично отказаться от каких бы то ни было паршивых долларов. Деньги гораздо лучше сохранятся, если останутся у вашей сестры.

Я давно потерял интерес к затянувшейся беседе и прислушивался к ней чисто механически, а в действительности был обеспокоен только одним – звучащими еврейскими словами. Пока никого, кроме нас, на улице не было, я шёл спокойно, но вот появились встречные прохожие (по-видимому, пришла из Москвы электричка), и я явно стал нервничать. Мне казалось, что прохожие прислушиваются к незнакомым словам и как-то по-особенному на нас посматривают, а иногда, пройдя мимо, даже оборачиваются. В результате, при приближении незнакомцев, я старался незаметно для своих спутников немножко от них отстать.

Тогда я, конечно, не задавал себе вопроса, почему звучащие еврейские слова меня так беспокоили. Я просто не хотел быть рядом с ними. А если попытаться как-то описать испытываемые мною тогда чувства, то ближе всего их можно было бы ассоциировать со стыдом. И ужасным было то, что я стыдился (и увы, я это чувствовал!) ни кого-нибудь, а именно свою любимую бабушку. Но откуда взялся этот стыд? Как он возник? Ведь ни кто мне никогда не говорил, что разговаривать по-еврейски – это нехорошо или это стыдно. Однако я замечал, что когда бабушка говорила по-еврейски, то старалась произносить слова так, чтобы посторонние их не слышали. Вот и сейчас мои спутницы старались говорить тихо и, при приближении прохожих, практически переходили на шёпот. Возможно, именно это и создавало у меня ощущение некоей «незаконности» еврейских слов, которых следовало стыдиться.

Тем временем наша еврейская тройка медленно возвращалась с прогулки. Мои волнения достигли апогея, когда я увидел своих уличных приятелей, которых не нашел после обеда, а теперь, как назло, торчавших недалеко от калитки.

– Как... как бы так сделать, чтобы увести пацанов куда-нибудь подальше, и они не слышали бы еврейских слов? – вот вопрос, пронзивший всё моё существо, и по сравнению с которым все проблемы Софьи Борисовны показались мне пустяшными. Крикнув:

– Пойду погуляю, – я бросился со всех ног к ребятам.

Уже подбегая к ним, я достал из кармана американскую шоколадку, поднял её высоко над головой и, прокричав:

– Смотрите, что у меня есть, – побежал прочь, и вся ватага бросилась за мной.

В жизни всегда за всё кем-то уплачено!

I

Когда я пришел домой, было еще светло. Я прошел в комнату и застал бабушку за перелистыванием географического атласа, который всегда лежал вместе с другими книгами на её столике, стоявшим около кровати. Книги менялись, но атлас всегда оставался под рукой. Скорее всего, он был интересен бабушке своей неоспоримой правдивостью, в отличие от её любимых романов, в которых переплетались правда жизни с авторским вымыслом.

– Бабок, ты ищешь в атласе хороший совет для Софьи Борисовны? – задал я вопрос, который, если бы исходил не из наивных детских уст, мог бы быть воспринят, как недвусмысленная ирония, а возможно даже и обидел бы.

– Э, да я вижу ты все понял, о чем мы говорили, – ответила бабушка, закрывая атлас. – Впрочем, я это видела по тому, как ты то приближался, то удалялся от нас.

Услышав бабушкино предположение, я насторожился: не догадалась ли она об истинной причине моих дистанционных колебаний, которые происходили, совсем не потому что я старался проникнуть в смысл разговора. Но всё обошлось, и бабушка, более не акцентируя своего внимания на моих колебаниях, сказала:

– Увы, карта плохой советчик, а советы, давать легко особенно в тех случаях, когда нет других вариантов.

II

Я уже учился в институте, когда однажды летним вечером приехал навестить бабушку, у которой застал Софью Борисовну и очень похожую на неё старушку, оказавшуюся её сестрой Асей Борисовной.

Вскоре гости ушли и бабок рассказала, что Ася Борисовна, как туристка, приехала навестить сестру. Когда же она увидела, в каких условиях живёт Софья Борисовна, то решила, что уедет из России только вместе с сестрой. Обычно оформление документов требует много времени. Но Ася Борисовна не поспешила и смогла максимально сократить ожидание.

Через пару недель сёстры зашли попрощаться. Софья Борисовна уже получила эмиграционную визу, а её дочь Лора, зять и внучка должны были получить разрешение на выезд в течение следующих трёх месяцев. Софья Борисовна посетовала, что сестра настаивает, чтобы Лора перед отъездом ничего не продавала и абсолютно всё оставила Советской власти (раз уж она такая бедная). Перед уходом Софья Борисовна поблагодарила Марию Яковлевну за прогулки к пруду, которых ей будет там (и она махнула рукой в каком-то неопределённом направлении) очень не хватать.

Лора и её семья получили визы и, продав всё, что можно было только продать, отбыли в Америку. Прощаясь с Лорой, бабушка спросила:

– А как же наказ Аси Борисовны: ничего не продавать?

– Вот, когда Ася будет переезжать в Союз, пусть свой дом и оставляет разлагающимся империалистам, а наш дом – не её забота, – это были последние слова отъезжавшей Лоры.

III

Прошло почти тридцать лет и я со своим приятелем Борисом ужинал в одном из русских ресторанов Бостона. Я давно заметил, что весьма внушительных размеров, вся в бриллиантах старая, но очень активная за соседним столом женщина часто посматривает в нашу сторону. Я даже сказал об этом Борису, но тот, проанализировав ситуацию, заметил:

– Посмотри, какой шикарный стол и сколько вокруг богатых евреев.

Я не успел сделать из сказанного каких-либо выводов, как эта самая незнакомка встала и направилась к нашему столику. Быстро подойдя и по-хозяйски разместившись на рядом стоявшем стуле, она сказала:

– Извините, вы так похожи на свою бабушку, да и на дядю, что я не могу ошибиться. Вы – Игорь, внук Марии Липницкой. Правда?

И пока подошедшая произносила эти несколько слов, я успел узнать в ней нашу худенькую, салтыковскую Лору. Она стала расспрашивать меня о моем дяде, о скамейке под сосной у Золотого пруда, о бывших салтыковских соседях, а сама рассказала о своей жизни здесь в Америке. Во всём этом не было бы ничего не обычного, если бы, прощаясь, Лора ни сняла с себя золотую цепочку и со словами – передай, пожалуйста, Роме – положила её рядом с моей тарелкой, после чего быстро присоединилась к своей компании.

Вскоре Лора и её приятели, громко смеясь, покинули ресторан, а когда Борис попросил счёт, официант сказал, что за всё уплачено. И я подумал: «В жизни всегда за всё кем-то уплачено! И Слава Богу, когда удаётся расплатиться деньгами!»

Русский мальчик в еврейской семье

Родился и вырос я в еврейской семье. Наверное, прежде подобная информация лет за двадцать пять до того, как я родился, говорила бы о многом, но за годы существования советской власти понятие «еврейская семья» особенно в Москве и Ленинграде потеряло прежнюю определённую. Правда, что касается моей семьи, то оно в значительной степени ещё сохранялось. Все наши ближайшие родственники с исчезновением черты оседлости, оказавшись в столицах, поддерживали тесные родственные связи и старались сохранить бывшие еврейские традиции.

Фамилия моего деда – Липницкий и все его братья и сёстры, а было их девять человек жили в Москве. Девичья фамилия моей бабушки была Авербах. Кое-кто из её братьев и сестёр тоже жили в Москве, другие обосновались в Ленинграде. Подавляющее большинство и Липницких и Авербахов были врачи самых различных специальностей.

Наиболее яркой личностью среди Авербахов был Ефим Яковлевич. Его, семилетнего мальчика, игравшего на скрипке, заметил польский помещик и помог получить блестящее музыкальное образование.

В семье Липницких наиболее почитаемым был Теодор Михайлович, которого родные ласково называли «Тува». Он с отличием окончил гимназию и, оказавшись в пятипроцентниках, без проблем поступил в Московский Университет. Хотя Теодор среди Липницких слыл непререкаемым авторитетом, но возглавляла клан его старшая сестра Евгения Михайловна или просто тётя Женья. Она была единственная из детей Михаила Липницкого, кто не получил никакого образования – таков был удел старшей дочери, основная обязанность которой состояла в помощи матери выращивать всё увеличивавшееся потомство, а численность его в конце концов достигла одиннадцати человек. Она стала как бы второй матерью, и именно так она и воспринималась всеми младшими сёстрами и братьями даже тогда, когда они сами стали мамами и бабушками.

По субботам все братья и сестры собирались у Теодора на праздничный еврейский обед. Племянники обычно не приглашались. Единственное исключение делалось для сына тётки Женьи, Анатолия. Его, конечно, тоже не приглашали, но старшая сестра могла позволить себе всё. После обеда на кухне Анатолий старательно набивал свои карманы всем, чем только было возможно, и отвозил всё собранное мне, своей любимой кузине. Анатолий, хотя и был чуть-чуть младше меня, но всегда по отношению ко мне старался играть роль сильного мужчины – заступника.

После медицинского техникума я уже без всякой посторонней помощи поступила в медицинский институт. На втором курсе меня, не комсомолку, вдруг пригласили на комсомольское собрание института. Когда я вошла в актовое зал, председатель собрания, указывая на меня, с возмущением прокричал:

– Посмотрите на неё. Это – дочь бывшего владельца типографии, который отравлял рабочих свинцовой пылью. Нет места отпрыску этого кровопийца среди нас, детей рабочих и крестьян!

Комсомольцы единогласно проголосовали за моё исключение из института, и я вся в слезах отправилась к дяде Туве. Узнав в чём дело, он сказал:

– Не плачь, ничего страшного не случилось. Твой отец, как всякий еврей, не имел право владеть типографией. Исключение составляли только евреи – купцы первой гильдии. Поэтому формально типография принадлежала нашему родственнику Подземскому, торговавшему лесом, а твой отец числился её управляющим.

У Теодора хранились все семейные бумаги и, в частности, подтверждавшие данный факт. На следующий день я направилась на прием к Всесоюзному Старосте Калинину, который, как

только увидел принесённые бумаги и прочитал выписку из решения комсомольского собрания, прямо на этом решении написал: «Восстановить».

Церковь или синагга

I

Хотя в подмосковной Салтыковке наше еврейство было на виду, в школе я никогда не слышал никаких на него намёков. Но вот после того, как я окончил четвёртый класс, отчим получил квартиру и мы переехали в Москву, точнее на её окраину, район заводов «Стальмост» и «Фрейзер». Здесь я отправился в мужскую школу № 439.

В классе, куда я попал, учились два близнеца: Юлий и Марк Скундины. Марк – высокий в очках, тихий, всех сторонившийся, хорошист; Юлий – маленький, юркий, двоечник, слышавший заядлым драчуном. Очень скоро после моего появления в классе он «надрался» на меня. «Надраться» – это означало вызвать «стыкнуться». Стычка, т. е. драка, проходила после уроков в присутствии всего класса на городской свалке, находившейся неподалеку от школы. Для меня это было абсолютно необычное мероприятие, свойственное, как я полагал, исключительно мужской школе, ибо подмосковные школы были смешанными, и у нас в Салтыковке ничего подобного не происходило.

И вот большая ватага учеников с криком: пошли смотреть, как два еврея будут стыкаться – ринулась после уроков на свалку. Обычно здесь, на наименее загаженном месте образовывался полукруг: с одной стороны стояли болельщики за одного стыкующегося, а напротив – за другого. Естественно, все заняли сторону Юлия – «своего» еврея, а с моей, нового, чужого еврея, не было никого. Вдруг от болельщиков Юлия отделился один высокий, крепкий парень и встал на мою сторону. Это был Вася Маскаев. Он приехал из глухой мордовской деревни и так как плохо говорил по-русски, то два года просидел дома. За это время его сестра, студентка педагогического института, поднатаскала брата так, что на диктанте, за который на днях я получил двойку, Васе поставили пятёрку. Вася был за справедливость и потому, увидев, что все – за Юлия, перешёл на мою сторону.

Драка была скоротечной. Под улюлюканье учеников: «Давай! Давай!» – я и Юлий пошли навстречу друг другу. Когда мы оказались лицом к лицу, а крики слились в один сплошной ор, я легонько толкнул Юлия и в ответ получил сильнейший удар в правый глаз. По-видимому, в кулаке у противника была зажата свинчатка. Я не упал, но глаз мгновенно начал затекать, и я стоял пошатываясь. Вася быстро подошёл ко мне и, положив руку на плечо, громко командовал:

– Достаточно. Расходимся.

Неудовлетворённые зрители быстро разбежались, а Вася повёл меня домой. Уже поздно вечером в постели с пакетиком льда на опухшем глазу, я рассуждал: «Откуда они узнали, что я еврей? Чтобы меня не „компрометировать“, мама вообще не появлялась в школе. Наверное, кто-то видел, когда она подавала мои документы. Ну что ж, теперь, по крайней мере, она может спокойно ходить на родительские собрания.» – решил я, засыпая и пытаюсь таким образом хоть как-то смягчить результат столь позорного поражения.

Назавтра, когда я проходил мимо Рема Хотянова, он, подставив мне подножку, прошипел: «То же мне, Троицкий! А драться не умеешь!»

Рем был маленького роста, ярко рыжий еврейский мальчик. Его лицо покрывало несчётное число больших и маленьких налезавших друг на друга веснушек. С ним никто не общался по одной причине: общаться с ним было опасно. Если что-то ему не нравилось, он сразу же бил в морду. Я это понимал так: ему своей физиономии абсолютно не жалко, испортить её было невозможно. И потому его боялись все, даже ученики из старших классов.

Вася упросил классную руководительницу пересадить меня за парту рядом с ним. И с тех пор мы за одной партой просидели вплоть до самых выпускных экзаменов. Иногда Васю «охватывали особые дружеские чувства», и тогда, обращаясь ко мне, он спрашивал:

– Скажи, вот если бы я сделал что-то очень незаконное, украл или убил кого-то, и меня бы искали и хотели схватить, ты бы меня спрятал?

И я, всегда предварительно взвесив все «за и против», обещал, что обязательно спас бы его. Но вот пришёл в Москву Всемирный Фестиваль Молодёжи и Студентов. У меня случились два билета в Парк Культуры имени Горького на встречу с иностранными студентами. Я пригласил с собой Васю. Когда мы прошли билетный кордон и оказались на сравнительно малолюдной аллее, к нам подошли трое парней и попросили оставшиеся у нас использованные билеты. Я, опасаясь, что они ещё могут понадобиться, отказал, за что после нескольких несвязных слов получил по физиономии. Вася занимался в боксёрской секции, и казалось бы это был великолепный шанс продемонстрировать своё искусство, но, увы, когда я обернулся, Васю не увидел. Он появился из-за кустов уже после того, как драчливая троица убежала. После этого случая Вася более не приставал со своим дурацким вопросом, я же усомнился в верности его теста относительно дружбы.

А Скундины вскоре оба стали моими близкими друзьями. При произошедшем объединении обучения с девочками мы оказались в одной школе. Как-то при мне наши одноклассницы удивлялись: вот Скундины – близнецы, но совершенно не похожи друг на друга. И кто-то сразу добавил: «а на евреев похожи оба. Удивительно!»

Меня же поразил не «уникальный» феномен непохожести, а нечто совсем другое: я вдруг почувствовал себя «своим» среди «своих». Говорят при мне о евреях, будто я не имею к ним никакого отношения. Конечно, меня это нисколько не огорчило, но ночью в кровати я долго вертелся с боку на бок и не мог заснуть. Меня мучил простенький вопрос: что же это за несправедливость, я вдруг стал своим, а Марк и Юлий – всегда будут чужими.

II

В детстве я не любил читать, но вот летом после девятого класса со мной произошло чудо и вместо того, чтобы, как прежде, все дни проводить с приятелями на улице, я сидел на балконе и читал. Почему-то мне особенно нравились Гончаров, Лесков, Шолом-Алейхем и Свирский. Именно тогда у меня впервые возник вопрос: то, что я – недождок – это ясно, а вот чего во мне больше – еврейского или русского?. Чтобы ответить на него я решил осенью, вернувшись в город, посетить церковь и синагогу и попытаться почувствовать, что мне ближе.

Ранним утром осенью 1957 года на одном из первых трамваев я отправился в Елоховскую церковь. В соборе было всего несколько человек. Служба шла то на старославянском, то на русском и я толком ничего разобрать не смог. К девяти часам весь пропахший ладаном я стал пробираться к выходу через образовавшуюся к этому времени плотную толпу бабушек и поблекших, очень преклонного возраста женщин, среди которых лишь кое-где проглядывали хмурые мужские лица. Было полное ощущение, что осеняя себя крестным знаменем все они также, как и я, мало что понимали в содержании проповеди, произносимой священнослужителем.

Во всём увиденном я не почувствовал ничего сверхъестественного и божественного и подумал, что возможно, прежде, когда Блок писал «Девочка пела в церковном хоре...», всё было иначе, но сегодня, увы! это «одухотворённое» куда-то выветрилось и ничего привлекательного не осталось.

Перед посещением синагоги я спросил бабушку, как мне следует вести себя, чтобы не попасть в просак. Бабок (так я нежно величал свою бабушку) предложила в качестве гида взять Соркина. Так, по фамилии без всякого имени и отчества, она называла тогдашнего мужа тёти Сони. Соркин был модным московским портным и не в ущерб частным заказам шил костюмы для Центрального Детского Театра. Иногда он пристраивал меня в гостевой ложе посмотреть тот или иной детский спектакль, так что я знал Соркина с раннего детства, и потому бабушкина идея мне понравилась.

Утром в одну из суббот я и Соркин вошли в центральную московскую синагогу и сразу же оказались в большом светлом зале, который, наподобие театрального, был заполнен рядами кресел. Соркин пояснил, что места в первых рядах куплены постоянно молящимися прихожанами, а всякий случайный посетитель должен располагаться сзади. Оказалось, что в зале молятся только мужчины, а женщины находятся отдельно наверху. Соркин, раскланиваясь с владельцами купленных мест, с гордостью провёл меня на сцену, где слева и справа вдоль стен стояли стулья. Мы сели справа, а слева, как пояснил Соркин, были места для чиновников из Израильского Представительства. Посредине находился ковчег, где хранились свитки Торы. Я внимательно прослушал всю службу, в процессе которой так же, как и в русском храме, ничего не понял. Однако у меня осталось впечатление, что я был только один такой необученный, все же молящие «делали свою работу» вполне осмысленно.

Вообще, всё происходящее выглядело вполне сносно. Когда служба закончилась, я заметил, как между рядами образовались две – три группки евреев, у которых в руках появились рюмки с красным вином. Заметив моё удивление, Соркин сказал, что, если еврей после молитвы выпьет немного вина, в этом нет ничего предосудительного. Когда же мы уже покидали синагогу, я увидел, что в другой группе, сформировавшейся в последних рядах, разливалась русская водочка, но просить Соркина прокомментировать этот напиток мне показалось некорректным.

Хотя пребывание на сцене синагоги было более приятно, чем зажатость в тесноте Елоховской церкви, тем не менее проведённый эксперимент привёл меня к мысли о том, что рели-

гия осталась в далёком прошлом и найти через неё ответ, чего во мне больше: еврейского или русского – не возможно.

III

Менее чем через год вопрос о том, кто я – русский или еврей – вновь возник, но только уже на более серьёзном уровне и не по моей прихоти. Пришло время получать советский паспорт, а в нем (в те советские времена) был пресловутый пятый пункт, в котором фиксировалась национальность его владельца, а такую национальность, как «недожидок», увы, в него втиснуть было невозможно.

Обычно при различных национальностях родителей, ребёнку при выдаче паспорта автоматически приписывалась национальность отца, хотя в принципе получатель и имел право выбора. Я намеривался воспользоваться этим правом и записаться евреем, ибо выбор другой национальности рассматривался мною, как некое предательство по отношению к маме и бабушке.

Были ли эти эмоциональные предпосылки к решению записаться в евреи единственным поводом, сказать трудно. Сейчас думаю, что скорее всего – нет. Наверное, немало важным был юношеский задор – пойти наперекор: «пусть трудно, а я попробую», желание проявить своё «я». А возможно и весьма жесткая позиция моей мамы в сложный период «дела врачей». В самый разгар этой компании поговаривали о высылки евреев в далёкую Сибирь. Тогда мама получила от своей школьной подруги Татьяны Дубровской письмо, в котором та предлагала на это смутное время прислать меня к ней в Калугу. Татьяна обещала, что в её семье, мне будет так же, как и её собственному сыну. Мама поблагодарила свою подругу и, отказавшись, произнесла фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Как нам всем – так и моему сыну».

То ли время изменило маму, то ли бабушка на неё повлияла, но теперь мама в один голос с бабушкой выступала против такого моего решения. Отговаривая меня, бабушка приводила примерно следующие доводы:

Ты живёшь в России, и, только будучи русским, ты будешь естественным, истинным и настоящим гражданином этой страны. Так же, как если бы ты жил в Израиле, то будучи только евреем, был бы там естественным и истинным гражданином Израиля. Главное, чтобы записавшись русским, ты не оказался в антисемитах, и если вдруг на твоём жизненном пути встретится еврей, нуждающийся в помощи, ты бы не отвернулся от него, а помог, – убеждала меня бабушка.

И я сдался. Паспорт оформляли в милиции, где следовало предъявить Свидетельство о Рождении. Так как в этом документе, выданным ещё до войны не указывались национальности родителей, то вместе с ним требовался и паспорт одного из родителей. И вот я со своим Свидетельством и материнским паспортом направился в ближайшее 58ое районное отделение милиции города Москвы.

Милиционер, по званию младший лейтенант, взял Свидетельство и вслух прочёл: отец – Николай Алексеевич Троицкий, мать – Бронислава Григорьевна Липницкая, место рождения – город Калуга. Отложив свидетельство в сторону, милиционер открыл мамин паспорт, где чёрным по белому значилось – еврейка. Тяжело вздохнув и глядя куда-то в потолок, младший лейтенант начал рассуждать:

– Троицкий – это почти Троцкий, а Троцкий, Лев Давидович – еврей. Нет, я не могу записать тебя русским, евреем – хоть сейчас, а вот, если желаешь быть русским, приноси паспорт отца, – заключил милиционер.

Блюстителю закона было немногим больше двадцати и так же, как и я, он не ведал, что Троцкий – это псевдоним, а фамилия этого революционера, который с разными непристойными эпитетами упоминался в истории партии, была Бронштейн. Этого мы не знали, но в том, что Троцкий – еврей, мы оба почему-то не сомневались.

Логика милиционера показалась мне вполне убедительной, и я почти уже согласился записаться евреем, как вдруг вспомнил об обещании, данном бабушке и маме, и потому, забрав документы, отправился домой со стопроцентной убежденностью, что «естественным и истинным» мне, увы, никогда не быть.

Дома я в подробностях пересказал всё, что произошло в милиции. Услышав всю эту белиберду и мои сомнения в русской национальности отца, мама пояснила, что вообще-то Троицкий – это не просто русская фамилия, а фамилия, которую обычно получали священнослужители. Затем, помолчав, добавила:

– Да, увы, твой отец – сын священника, и когда-то учился в духовной семинарии. Отец не любил вспоминать о прошлом, но в память о своём происхождении вместо дня рождения отмечал только свои именины, так что ты не просто русский, а ещё и с православными корнями, – закончила мама.

Вечером она позвонила Надежде Милославской, старой приятельнице отца, рассказала ей о возникшей проблеме, и через неделю была получена по почте копия отцовского паспорта, заверенная в домоуправлении, вместе с листком, содержащим отцовский адрес. Теперь мама и бабушка обсуждали вопрос – идти ли их мальчику в милицию одному или в сопровождении мамы. С одной стороны, мама могла открыть милиционеру правду об истинной фамилии Льва Давидовича, но с другой – присутствие еврейской женщины могло насторожить бдительного милиционера, решающего, кто же сей мальчик – русский или еврей. Взвесив все «за» и «против», бабушка и мама пришли к единому мнению – я должен идти один.

На этот раз дежурил другой, по-видимому, менее образованный лейтенант. Он не стал вспоминать героев революции, а, сделав копии со всех принесенных бумаг, подшил их в свою папку и вовсе, не интересуясь мнением, кто перед ним, еврей или русский, выписал паспорт, в котором в графе национальность поставил – русский. Все произошло очень быстро, и когда я вернулся домой ни бабушка, ни мама не могли поверить в столь быстрый успех этого предприятия. Только открыв паспорт и прочитав – «русский», бабушка опустилась на стул и отвернулась, а мама, чтобы скрыть слёзы радости, быстро побежала на кухню.

Это была их настоящая большая победа: для одной – сын, а для другой – внук, наконец, стал «естественным и истинным» гражданином страны, в которой они родились и жили! Они и раньше, несмотря ни на что, благодарили отца, одна – за любимого сына, другая – за любимого внука, а теперь ещё и за то, что он в своей стране не будет изгоем.

IV

Прошло 25 лет. Я, начальник нового научно-исследовательского отделения, получаю разрешение набрать в своё НИО сотрудников из других подразделений нашего предприятия. Среди желающих оказались два молодых специалиста Марк и Михаил, окончившие физтех два года назад. Ребята мне понравились и я передал их заявления в отдел кадров. Назавтра Матвеев, заместитель Генерального Конструктора, с которым у меня были весьма доверительные отношения, вызвал меня и после общих ничего не значащих слов сказал:

– Ты вот хочешь перевести к себе двух ребят. Я не против, но отдел кадров разрешает взять тебе только одного, любого, но – одного.

– Почему? – ничего не понимая, спросил я.

И Матвеев объяснил, что с пятым пунктом у них всё вроде бы нормально, но у обоих не всё в порядке с национальностями родителей, так что одного, пожалуйста, а двоих – кадровики не пропускают. В НИО я взял Марка, но оба (и Марк, и Михаил) стали моими аспирантами и в положенный срок успешно защитили кандидатские.

А тогда, выйдя из кабинета Матвеева, я понял, что возможно, как считали мои мама и бабушка, изгоем я и не стал, а вот недожидком всё равно остался!

Неужели и Тартаковский тоже...?

I

В 1959 году я стал студентом Физтеха. О МФТИ, как единственном институте, где раньше других проводятся вступительные экзамены, я узнал на лекциях для абитуриентов в МГУ. Шансы на поступление, после того как в предыдущем году я, золотой медалист, провалился в Московский инженерно-физический институт, представлялись мне нулевыми. Более того я вообще не был уверен, что хочу заниматься наукой или техникой. Но внезапная мысль – а почему бы не довериться случаю, подвигла меня на подвиг: я поехал в Долгопрудный и подал документы.

Попал я в первый поток, но сдавал экзамены в последнем, четвёртом. Это изменение произошло по совету брата моего деда, главного «советчика» всех наших родственников и по совместительству известного в те времена московского гомеопата Теодора Липницкого, которому мама позвонила и рассказала о планах сына. Старый еврей рассуждал примерно следующим образом: вступительные экзамены на Физтех, по-видимому, очень сложные, а раз так, то мало, кто из абитуриентов первых потоков, пройдёт через все испытания; однако число будущих студентов запланировано заранее, поэтому, чтобы обеспечить требуемое число, экзаменаторам придётся снизить требования для последнего потока. Вывод: Игорю нужно переходить в последний поток. Не сомневаясь в правильности рассуждений своего дяди, мама снабдила меня медицинскими справками о внезапной болезни, и очерёдность потока была изменена. До сих пор я уверен, что именно благодаря мудрому совету брата моего деда, экзамены и были благополучно выдержаны. Во всяком случае те мои знакомые, которые остались в первом потоке, провалились, а я проскочил.

II

На каждом факультете все первокурсники распределялись по группам. Принцип, по которому студент попадал в ту или иную группу не афишировался, и многие полагали, что всё решал случай. Я оказался в группе, студенты которой на старших курсах стажировались на базовом предприятии, являвшимся одним из закрытых научно-исследовательских институтов. Подобные организации определялись номерами своих так называемых почтовых ящиков, а потому студенты, у которых базами были закрытые институты, сами про себя говорили: «сыграли в **ящик**».

На моём факультете было достаточно много групп с открытыми базами и то, что я, полукровка, попал в группу, подготавливавшую специалистов для работы по секретной тематике, поначалу воспринял как результат недосмотра соответствующих органов. Но одно событие заставило меня призадуматься.

Так как Физтех находится за городом, то каждый первокурсник получил место в общежитии. Однажды в пятницу я с Вадимом, студентом из моей группы, возвращались в Москву. В электричке к нам подсел мужчина лет сорока. На нём была телогрейка, а на ногах грязные кирзовые сапоги. Незнакомец устроился напротив и демонстративно стал нас рассматривать, переводя взгляд с меня на Вадима и обратно. И вдруг ни с того ни с сего он заявляет:

– Чего это ты, жид, очки напялил, ни х. я не видишь! Пора тебе мотать отсюда!

Первая мысль, промелькнувшая у меня в голове:

– Что делать, что отвечать? – Но за ней сразу же вторая – спасительная: очки! Очки – то у Вадика! Значит это не ко мне! – И тут, сразу возникло неожиданное предположение: неужели Вадик – тоже?

После молниеносной серии вопросов и само ответов я успокоился и с интересом стал ждать, что будет.

Вадим хотя и был среднего роста, но находился в отличной спортивной форме, и мне казалось, что вот-вот Вадик врежет этому антисемиту. Но прошла минута, другая, воцарилось общее молчание, и ничего не происходило. Тем временем электричка подошла к станции «Окружная» и начала останавливаться. Наш непрошенный сосед поднялся и, пожелав ещё раз Вадика идти туда, «куда Макар телят не водил», спокойно вышел. Теперь я решил, что ошибся, и Вадик совсем «не тоже», а потому и спросил его:

– Почему этот хмырь к тебе пристал.

На что Вадим, помедлив, ответил:

– У меня отец еврей, а такие, как этот – всё чувствуют, у них нюх особый.

– Так почему же ты не проучил этого негодяя?

– А потому и не проучил, что ничему его не научишь, и нюх ни чем не отобьёшь, его только могила исправит – ответил Вадим.

Было ли это неким оправданием трусости или реальная позиция? – этот вопрос долгое время занимал меня. К сожалению, я так никогда и не смог на него ответить, но зато теперь знал, что не только я, не совсем русский, оказался в нашей засекреченной группе. Этот случай зародил справедливые сомнения относительно предположения, что я «сыграл в ящик» вследствие ошибки соответствующих органов.

III

Первые три года учёбы на Физтехе были очень трудными, а вот на четвёртом ситуация кардинально изменилась. Закончилось изучение общих основополагающих предметов (дисциплин), и начиналась специализация.

Первая цифра номера моей группы 914 совпадала с последней цифрой года поступления, а две следующие – указывали на базовое предприятие (или попросту – «базу»), где студенты после третьего курса должны были проходить преддипломную практику и куда после окончания института направлялись на работу. В соответствии с положением о секретности мы до начала преддипломной практики не должны были знать ни местоположение нашей базы, ни то, над чем там работают. Однако для студентов 914 группы эти секреты раскрылись намного раньше и совершенно неожиданно на семинаре по теоретической механике.

Этот семинар у нас вёл старший преподаватель Коренев, внешне весьма неординарный мужчина. Небольшого роста, полноватый, он всегда носил темно-коричневый кожаный шлем и такого же цвета кожаную куртку, которую не снимал даже во время проведения занятий в аудитории.

Однажды Коренев вошёл в аудиторию, окинул взглядом собравшихся студентов и, многозначительно помолчав, спросил, знаем ли мы куда пойдём работать. Все молчали и тогда последовало весьма подробное описание ожидавшей нас базы. По Кореневу выходило, что это – бывшая Бериевская шарашка, в которой он когда-то работал, правда, не совсем по своей воле. Последние слова он произнёс с особым ударением и постарался придать своему лицу такое выражение, которое должно было всем однозначно объяснить, что означает «не по своей воле». Из описания Коренева следовало, что большой дом, в котором размещается сей ящик, находится там, где Ленинградский проспект делает резкий поворот в сторону Химок, и что он имеет столько же этажей под землёй, сколько и над ней. Все комнаты закрываются кодовыми замками. Проход на территорию только через специальные проходные, и выйти за ворота даже во время обеда невозможно. Закончил Коренев словами:

– И ещё, до начала работы вам придётся подписать бумаги о неразглашении того, чего вы даже не знаете и возможно никогда не узнаете. Вам будет запрещено всякое общение с иностранцами. Подумайте, скоро вы добровольно окажитесь там, где людей держали насильно. Бегите из этой группы пока не поздно – вот вам мой совет.

После такого монолога кто-то из студентов задумался, а кого-то описанная перспектива, наоборот, даже заинтриговала. Я скорее принадлежал ко второй группе. Главное, что тогда удерживало меня на Физтехе, так это престижность. Студент Физтеха – звучало не просто громко, а громче некуда! Узнать же, что есть наука и способен ли я ей заниматься, у меня просто не было времени, и потому к рассказу Коренева я отнёсся с любопытством, но услышанное никак меня не озаботило. Скорее даже наоборот: представлялась возможность узнать то, чего другим узнать не дано.

IV

В середине сентября вся 914ая группа была собрана в одной из комнат именно того самого НИИ под кодовым наименованием п/я 1323, о котором так красочно повествовал Коренев. За столом сидели два профессора базовой кафедры, представившиеся: Георгий Петрович Тартаковский и Владислав Георгиевич Репин. Они поочерёдно рассказывали о специальностях, которые студенты могли выбрать для своей стажировки, и каждый рассказ заканчивался вопросом:

– Кто хочет работать над дипломным проектом в данной области?

Те студенты, которых интересовало обсуждаемое направление, поднимали руки, после чего они направлялись в соответствующее подразделение. Уже были перечислены все специальности, существующие на данном предприятии, а вот пять человек, в числе которых были я и Вадим, так и не подняли руки. Переглянувшись с Репиным, Тартаковский заговорщицки предложил:

– Ну что ж, нерешительные, пошли.

Все оставшиеся пять студентов отправились в другую комнату, где за длинным столом сидели два молодых человека, которых Тартаковский представил:

– Наши сотрудники, кандидаты технических наук Александр Александрович Курикша и Пётр Алексеевич Бакут. Оба бывшие физтехи.

– Георгий Петрович, у нас бывших не бывает, – поправил начальника Репин, закончивший Физтех примерно в то же время, что Бакут и Курикша.

Тартаковский сел во главе стола, Репин пристроился между «бывшими», а напротив разместились юные физтехи. Подчёркнуто иронизируя, Тартаковский сказал:

– Так как не определивша яся «великолепна я пятёрка» ничем не интересуется, то ей придётся заняться теорией. А если серьёзно, то мы берем вас на стажировку в наш теоретический отдел, конкретно в лабораторию Репина, которая занимается синтезом оптимальных систем, создаваемых нашим КБ. Вся лаборатория состоит из бывших, простите, просто физтехов, так что вам здесь будет вполне комфортно. К сожалению, должен предупредить, что по окончании практики возможно не все смогут остаться в нашем отделе. Однако обещаем постараться помочь вам перейти в то подразделение, тематика которого будет наиболее соответствовать вашим научным устремлениям, а пока, давайте, определимся с научными руководителями.

После того, как Вадим получил Курикшу, а Сергей – Бакута, Тартаковский обратился ко мне с вопросом:

– Что вам больше нравится: физика или математика?

Я ответил, что математика и тогда Репин предложил:

– Георгий Петрович, запишите его ко мне.

Так я сыграл в ящик и стал учеником Репина. Александр Меньшиков оказался у Тартаковского, а Виктор Буреин – у Кузнецова.

V

Теоретический отдел, возглавляемый Тартаковским, входил в ОКБ-30, которое совсем недавно выделилось из Конструкторского Бюро (КБ-1), появившегося, по рассказам старожил, на рубеже сороковых – пятидесятих годов при весьма любопытных обстоятельствах. В то время группа преподавателей и слушателей Ленинградской Военной Академии Связи под руководством профессора П.Н. Куксенко предложила, как им тогда казалось, ряд новых методов для наведения радиоуправляемых ракет. Чтобы обратить внимание разработчиков на эти методы, Куксенко, будучи руководителем дипломной работы Сергея Берии, сына всемогущего руководителя КГБ, предложил своему ученику включить эти методы в его дипломный проект. Сей дипломный проект был отослан на отзыв в два московских специализированных научно – исследовательских института. Нетрудно догадаться, что отзывы были исключительно превосходными. Через пару месяцев после получения диплома Сергей защитил кандидатскую диссертацию (некоторые старожилы утверждали, что кандидатская была присвоена прямо во время защиты диплома), а ещё через пару месяцев специально для реализации изложенных в ней технических предложений в Москве было создано КБ-1, главными конструкторами которого оказались недавно защитивший диплом и диссертацию С.Л. Берия и руководитель его дипломного проекта П.Н. Куксенко. В новое конструкторское бюро из Ленинградской Академии были переведены доктор наук Н.А. Лившиц и Г.П. Тартаковский.

Когда арестовали отца Сергея, а вслед за ним и самого Сергея, КБ-1 возглавили А.А. Расплетин и Г.В. Кисунько, между которыми сразу же началась борьба за лидерство. Расплетин сумел захватить все основные направления работ КБ-1 кроме работ по созданию экспериментального образца системы ПРО, что досталось Кисунько. Несколько лет Кисунько не вылезал с полигона, но все эксперименты заканчивались неудачно. И вот, наконец, (когда уже был подготовлен приказ о смещении Кисунько) 4 марта 1961 года во время очередного эксперимента противоракета, запущенная из Казахстанского полигона, сбила боевую часть баллистической ракеты, стартовавшей из Астраханской области.

Вскоре специально для работ по ПРО из подчинения Расплетина было выделено ОКБ-30, начальником которого назначили Кисунько, а его заместителем по науке – Н.А. Лившица. Для теоретических исследований проблем ПРО Г.В. Кисунько создал специальный отдел, который возглавил профессор Г.П. Тартаковский. Сюда и попала «великолепная пятёрка». Вскоре ОКБ-30 было преобразовано в ОКБ «Вымпел».

VI

Лаборатория Репина размещалась на втором этаже в большой комнате с окнами, выходящими на строившееся здание Гидропроекта. Каждый из дипломников получил в этой комнате свой стол, который служил как бы его материализованной пропиской.

Лаборатория представляла собой некий, небольшой отросток Физтеха от общего корня, только этот корешок стал самостоятельным и питали его два профессора: Тартаковский и Репин. Первый решал все административные вопросы, что обеспечивало тепличную жизнь его подопечным физтехам, а второй – украшал и цементировал эту жизнь своим талантом, бескорыстностью и честностью.

Если бы теперь кто-то из «великолепной пятёрки» вспомнил о Кореневских страшилках, то искренне над ними посмеялся. Вскоре все физтехи, проходившие практику в отделе Тартаковского, получили пропуска со свободным выходом, а кодовый замок на двери в лабораторию служил хорошей защитой от чужих глаз. В углу лаборатории стоял стол, на котором лежала шахматная доска. Каждый в любой момент мог «размяться», т. е. подойти к «шахматному» столу, раскрыть доску и расставить на ней фигуры. Это служило молчаливым приглашением «размяться» кому-нибудь из «уставших» сотрудников. Кто-то обязательно откликнулся, и тогда, не нарушая общей рабочей обстановки, между двумя партнёрами выяснялись отношения, после чего игравшие возвращались на свои рабочие места и продолжали разбираться с соскучившимися по ним формулами.

Если я продолжал сомневаться в том, что поступление на Физтех было для меня благим поступком, то распределение в лабораторию из бывших физтехов было определённо большой удачей. Никто из наших научных руководителей не тащил никого в науку. Каждому предоставлялась уникальная возможность осмотреться и самому определить свой дальнейший путь. А главное – это было единое братство, не нарушавшееся никакими внешними веяниями или опасными сквозниками.

VII

Через много, много лет я с Леонидом Философовым, одним из старейших сотрудников Репинской лаборатории, путешествовал по островам Французской Полинезии. Мы сидели в шезлонгах на палубе круизного теплохода и я, только что вернувшись с празднования еврейского 5769-ого Нового Года (Rosh Hashanan), рассказал Лёне о том, как оно происходило.

– То, что ты неделю назад ходил смотреть, как евреи встречают субботу, я могу это объяснить простым любопытством, но, скажи, пожалуйста, зачем тебе их Новый Год? – полюбпытствовал Лёня.

– Это и мой Новый Год. У меня мама еврейка, – объяснил я.

– Не может этого быть, – тихо промолвил Лёня и после минутного молчания пояснил, – когда мы работали у Тартаковского, меня как-то пригласили в отдел кадров и отправили в Московский Университет агитировать дипломников идти работать к нам на предприятие. При этом очень чётко проинструктировали, чтобы я особое внимание обращал на фамилии. Впрочем, с фамилией у тебя всё в порядке.

– Ну, Лёня, тогда я тебе открою и другие тайны. У Жени Котова и Геннадия Ивановича Осипова мамы тоже еврейки, у Вадика Выгона – отец еврей, да и у Армена Манукяна с Серёжей Юмашевым тоже кое-что еврейское в крови имеется. А Юра Харитонов – так и полный еврей.

– Что ж получается, выходит в нашей лаборатории мы имели почти четверть этих... – он ещё не сообразил, как «этих» назвать, как вдруг его осенило – неужели, и Тартаковский тоже...?

– Точно не знаю, но если бы ты читал Бабеля, то у тебя закрались бы сомнения.

– Кто такой Бабель? – спросил ещё не пришедший в себя Лёня.

– Просто, советский писатель. А почему собственно ты так насторожился?

– Тартаковский был моим научным руководителем... – печально проговорил Лёня.

– Не огорчайся, – стал я успокаивать Лёню, – не только ты, чистокровный русский, путаясь с этими недождками, а и чистокровные евреи иногда ошибаются. Давным давно, на студенческих каникулах я познакомился в доме отдыха с Борисом Кауфманом. Ни один вечер мы повели с ним за преферансом, а вскоре по возвращению в Москву раздался телефонный звонок, и я услышал неуверенный голос Бориса:

– Игорь, у меня к тебе необычная просьба: не мог бы ты подъехать к синагоге и моей фотокамерой сделать несколько снимков.

– Нет проблем, но объясни, почему ты, фотокорреспондент АПН, не можешь сфотографировать сам? – спросил я.

– Конечно, могу, но многоуважаемый раввин не разрешает. Видишь ли, АПН получило заказ французского агентства сделать короткий репортаж о московской синагоге и проиллюстрировать его несколькими фотографиями. Это задание поручили мне, полагая, что в синагоге еврей фотограф будет более кстати. Меня действительно хорошо встретили, вызвали главного раввина. Более часа он водил меня по залам и подробно рассказал о всех проблемах московской синагоги. Когда же я всё это терпеливо выслушал и готов был сделать несколько снимков, раввин задал мне простенький вопрос: не еврей ли я? Я почти радостно, можно сказать впервые в жизни, ответил утвердительно. И что ты думаешь я услышал? А услышал, что сегодня суббота и еврею запрещено работать, а тем паче – в синагоге. Мои попытки переубедить ребе, апеллируя к тому, что я – коммунист, успехом не увенчались. Раввин сказал, что коммунистом становятся, а евреем рождаются. Так что, пожалуйста, приезжай! А то меня засмеют, и такое по Москве пойдёт, что долго потом не отмоешься. Тебе это недалеко, приезжай!

Мне уже давно всё стало ясно, но я с интересом продолжал слушать эмоциональный монолог своего приятеля, и лишь по окончании сказал:

– Борис, считай, что уже еду, но толку тебе от меня будет чуть. Для тебя я – русский, а для раввина я – еврей, и обманывать его мне не с руки.

– Теперь я не понял. Ты же Троицкий, – удивился Кауфман.

– Да, и отчество моё – Николаевич, а вот мама моя – еврейка. Но не волнуйся. Я приеду со своим другом. С ним всё в порядке: комар носа не подточит, – успокоил я Бориса.

Как раз в это время у меня находился Витя Буреев и мы готовились к предстоящему семинару. С радостью отложив науку куда подальше, мы отправились в синагогу. Кауфман встретил нас на ступеньках перед входом и в течение пяти минут вся работа была закончена. Вечер мы провели в ресторане дома журналистов, куда благодарный Кауфман пригласил нас, спасших его физтехов, – закончил я свой затянувшийся рассказ.

– И Витька ничего мне не рассказал! – опять (теперь уже совсем по другому поводу, но ни чуть не меньше, чем прежде) удивился Лёня.

Есенин-Вольпин

Братство братством, но наиболее близок я был всё же именно с теми, нечистокровность которых так сильно удивила Лёню. И надо заметить, что и среди появившихся у меня «на стороне» новых знакомых и приятелей, почему-то также многие окзывались не совсем чистокровными.

На летних каникулах я и Вадим примкнули к небольшой группе сотрудников из Изобразительных Искусств имени А.С. Пушкина, которые во время своего отпуска отправились по русскому северу. Группа состояла из пяти человек, четверо (Борис, Марина, Маша и Яна) были специалистами по классической западно-европейской живописи и лишь одна Фая занималась иконописью.

В то время я интересовался импрессионистами. Прочел кое-какие книги по теории «чистых» цветов (красок) и, естественно, рассчитывал блеснуть своими познаниями. Но оказалось, что у моих попутчиков импрессионисты не были в почёте, и все мои попытки организовать дискуссии по этой проблеме не встретили никакого интереса. Зато иконопись оказалась именно той темой, которая чем дальше, тем всё ярче обсуждалась и вызывала самые неожиданные споры. Наверное я бы к этому отнёсся с пониманием и без всякого удивления, если бы в процессе нашего совместного пребывания вначале в Вологде, а потом в Кирилове и Феропонтове, сживании по вечерам у костров и ночовок в деревенских избах на сеновалах, не узнал, что только Фая была чистокровная русская девушка, Борис, Марина и Яна оказались всего лишь полукровкой, а Маша, так и вообще, – еврейкой.

Из услышанных мною споров я вынес много для себя нового. Мне было безразлично, кто более «велик» Дионисий или Рублёв и чем разливается их техника письма. Меня поразило открытие, что изображение одних и тех же событий с помощью слов и зрительных образов имеют принципиально разное осмысление. И главное, что событие, описываемое словами, осознаётся гораздо менее определённо, чем его зрительное изображение. И как я понял, цель иконописца состояла в том, чтобы эту определённость довести до предельной однозначности. Слушая спорящих, я думал о том, что, возможно, в высказываемых ими суждениях важна и национальная окраска говорившего и его отстранённость, не сопричастность к вере. «А вот интересно, как бы к этим спорам отнёсся тот, кто прошёл духовную семинарию», – думал я и, конечно, сразу же вспоминал об отце.

По возвращению в Москву Марина пригласила меня на чашку чая к своим друзьям искусствоведам. Это была обычная малогаборитная двушка. Все сидели в одной комнате, а дверь в другую была плотно закрыта. В какой-то момент Маша, хозяйка квартиры, попросила меня помочь ей на кухне, и когда я вышел, заговорщически тихо сказала:

– Хочу тебя представить одному человеку.

Предварительно постучав, она открыла дверь в соседнюю ком нат у.

– Алик, познакомься, – сказала Маша, – это наш новый, молодой друг, Игорь, без пяти минут физик.

– Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, – не без гордости в голосе, приподнимаясь с кресла, представился незнакомец. – Вот, работаю, исправляю свою обезображенную статью. Присаживайтесь, – указывая на рядом стоящий диван, пригласил Александр Сергеевич.

О Есенине-Вольпине я уже слышал во время посиделок у костра. Он считался хорошим знакомым Маши. Она даже называла его своим другом, на что Фая резко возражала, утверждая, что псих, которому уже в юности поставили соответствующий диагноз, конечно, может быть хорошим знакомым, но уж никак не другом. Маша объясняла, что психоз Александра вызван его неадекватным сопоставлением себя со своим великим отцом, и в доказательство приводила его слишком высокую самооценку своих стихов, изданных недавно в Нью-Йорке.

В свою очередь Фая настаивала, что Алик переоценивает не только стихи, но и свои философские возможности, которые выглядят просто смешными в его «Свободном философском трактате», также изданным в Нью-Йорке. Для меня не было важно ни качество стихов, ни уровень философских изысканий Есенина – Вольпина. Был интересен сам факт, что человек, с отличием закончивший мехмат МГУ и вскорости после окончания защитивший кандидатскую, пишет и издаёт свои стихи и философские трактаты.

Я удобно устроился на диване в ожидании интересных откровений столь неординарной личности. Вначале Александр долго возмущался редакцией украинского журнала «Кибернетика». Публикуя статью Есенина – Вольпина по математической лингвистике, журнал внес несколько корректорских правок. Интересно, что исправления носили чисто литературный характер. Были изменены всего два – три слова и столько же знаков препинания. Но именно эти исправления и возмутили автора, полагавшего себя безупречным знатоком русского языка. Сейчас автор заканчивал ругательское письмо в редакцию, превышавшее размер самой опубликованной статьи. Предполагая, что Александр сейчас начнёт чтение письма, Маша временно исчезла из комнаты.

Оказавшись наедине, я решил поинтересоваться идеями, изложенными в статье. Вместо чёткого ответа автор стал объяснять основы математической лингвистики, а затем внезапно перескочил на изложение своих философских или скорее политических воззрений.

Он вышел из – за стола и, быстро перемещаясь по комнате, стал убеждать меня, что наша конституция идеальна и что, если бы государство соблюдало её, то никаких проблем с правами человека у нас не возникало бы.

– Нужно только, чтобы граждане активно боролись за соблюдение законов страны, – настаивал Есенин-Вольпин.

В момент наиболее громких призывов Александра в комнате появилась Маша и под каким-то предлогом увела меня. Вскоре, попрощавшись с хозяйкой, я и Марина незаметно исчезли.

У Марины отец был еврей, и потому, не смущаясь, я спросил:

– Марина, ты хотела показать мне смесь математика и диссидента или смесь еврея и русского?

– И то, и другое. А ещё того, кто в разнообразной гремучей смеси своей крови пытается найти некое особое зерно.

– И он в свои сорок лет ещё не нашёл этого особого зерна? Наверно, это очень сложная задача. Особенно если принять во внимание: ты рождаешься у еврейки, а в это самое время твоего великого отца совместно с ещё несколькими русскими поэтами судят за антисемитизм, точнее за то, что в каком-то кафе они громко возмущались «засилием жидов» в органах Советской власти.

– Не спеши осуждать. Посмотрим, найдёшь ли ты к сорока годам своё зерно. А вот пожелать ли тебе успеха в этих поисках или лучше, чтобы ты продолжал искать всю жизнь – этого я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.